

НОВОВЫЯВЛЕННЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О МАГАКИИ ОРМАНЯНЕ

В архивах Армении хранится множество документов о выдающемся религиозном, общественном деятеле и ученом Магакии Орманяне (1841–1918). В этом смысле самым богатым можно считать архив Музея литературы и искусства им. Е. Чаренца (далее – МЛИ), особенно 12-й раздел фонда известного литературного деятеля Тороса Азатяна. Множество документов о разных периодах деятельности М. Орманяна имеется в Национальном архиве РА, а также в нескольких фондах Матенадарана им. Маштоца (Г. Овсепяна, М. Хримяна, К. Тер-Мкртчяна, М. Измирляна и др.). Эти документы доступны для изучения и использования и весьма интересны. Труднее работать в архивах Российской Федерации, в частности, с разными фондами Архива внешней политики Российской Империи (АВПРИ). В опубликованном в 1965 г. в Ереване труде Р. Ованнисяна, посвященном западноармянским национально-освободительным движениям, организации «Паштпан Айрениц» («Защитник Родины»), основанной в Эрзеруме (Карин), использовано множество документов именно из этого архива.

В фонде Политархива АВПРИ мы обнаружили материалы, которые не были использованы Р. Ованнисяном. Интересен следующий факт: из весьма объемного дела ¹1625 фонда Политархива Р. Ованнисян использовал 5 документов, но не обратил внимания или по каким-либо причинам не захотел использовать один из объемных документов этого дела – донесение российского генерального консула в Эрзеруме Обермиллера российскому послу в Константинополе. Документ касается событий 1883 г., когда в Эрзеруме уже заканчивался судебный процесс над организацией «Паштпан Айрениц». Донесение содержит интересные наблюдения об армянском национально-освободительном движении, о восточноармянской организации «Еритасард Айастан» («Юная Армения»), о Магакии Орманяне, по определению консула, духовном предводителе армянских «нигилистов». Привлекает внимание антиармянская настроенность российского консула и резко отрицательная оценка, данная армянскому движению. Возможно, поэтому Р. Ованнисян и не использовал данный документ.

Второй документ также из Политархива, из дела № 1629. Отраженные в нем события относятся к другому периоду – к 1888 году. Сменились российские чиновники. В Эрзеруме действует не генеральный российский консул Обермиллер, а российский консул, титулярный советник Преображенский. В документе говорится об армянских священнослужителях, епископе Ваграме Манкуни, священниках Григоре Арцняне,

Мкртиче Хримяне, Хорене Нар-бее (Галфаян) и подчеркнуто – о Магакии Орманяне. Последний в это время являлся не духовным предводителем Эрзерума, а преподавателем богословия в Эчмиадзинской семинарии Геворгян.

Начальник иностранного департамента Российской Империи Мосалов, ссылаясь на то, что М. Орманян являлся турецкоподданным, заставляет Католикоса всех армян Макара Техутци лишить его должности преподавателя семинарии и выслать из Восточной Армении (эти документы хранятся в 12-м разделе фонда Тороса Азатяна в архиве МЛИ). М. Техутци всячески старается защитить М. Орманяна. Исторической неточностью в представленном документе является то, что Техутци также был одним из тех, кто преследовал Орманяна. Это не так. Просто давление на него было настолько сильным (два чиновника – Гирс и Урусов, прибыли в Эчмиадзин с целью усилить давление на Католикоса), что оно достигло результата. Интересен и другой факт: еще в 1888 г. высокие российские чиновники делали предположения об избрании М. Орманяна армянским патриархом Константинополя (он был избран армянским патриархом Константинополя в 1896 г.).

Несомненно, оба документа вызовут большой интерес у исследователей и читателей.

ЭММА КОСТАНДҮЯН

№ 1

Донесение российского генерального консула в Эрзеруме господину послу в Константинополе от 15 июля 1883 г. за № 222

В последнем донесении мною было представлено содержание обвинительного акта против принимавших участие в открытом в Эрзеруме армянском революционном обществе. Ввиду того значения, которое несомненно постараются придать происшествию в Эрзеруме британские ревнители армянских реформ и усилившихся толков среди иностранной и даже нашей печати об армянской автономии, позволю себе остановиться на некоторых обстоятельствах процесса. Нельзя не заметить с первого же взгляда, что обвинительною властью далеко не вполне раскрыты все обстоятельства заговора. Нельзя же серьезно допустить, чтобы мысль об устройстве революционного движения среди армянского народа, внезапно обладала умами трех лиц при чтении газет в городской читальне. Еще менее можно допустить, чтобы руководители подобного предприятия могли быть несколько темных, не имеющих ни нравственного авторитета, ни материальных средств личностей. Очевидно, что турецкой судебной власти удалось раскрыть лишь частицу тщательно выработавшегося революционного механизма, причем главные механики остались в стороне, не обнаруженными. Вслед за тем, по-видимому, обвинительная власть поставила себе за правило не

искать связи раскрытых в Эрзеруме затей Юной Армении с константинопольской средой, хотя достаточно одного здравого смысла, чтобы понять, что предприятий столь непосредственно касающихся самых задушевных стремлений политикующих армян, не может не иметь самой тесной связи с главнейшим фокусом армянской политической деятельности в Константинополе. Мыслимо ли, чтобы затея, над которой в настоящее время приподнялся край завесы, могла возникнуть без ведома главных двигателей пресловутого Армянского вопроса, или чтобы последние, зная о ее существовании, равнодушно предоставили бы революционному движению в главнейших центрах армянской народности – Эрзеруме и Ване – развиваться без всякого с их стороны влияния и контроля. Еще менее позволительно сомневаться в том, что все махинации заговорщиков были хорошо известны управляющему здешнею епархиею Орманяну, что впрочем видно из самого следствия, несмотря на руководившую при его производстве предвзятую мысль. Между тем известно, что Орманян пользуется самым широким доверием Нерсеса¹ и безошибочно считается сведующими людьми одним из его сотрудников и наиболее горячих приверженцев Константинопольского патриархата. Понятно, что обнаружение связи всплывшей в Эрзеруме революционной затее с Константинополем, а тем паче ее оттуда руководства крайне опасно для армянских замыслов, вот почему эту, так сказать Ахиллесову пятую всей затее нужно было во что бы то ни стало скрыть от оттоманского правительства. Говорить о средствах, которыми это могло быть достигнутым – лишнее. Средства эти хорошо известны всему миру и тем более восточному, где без бакшиша нельзя шагу ступить, где хищение, поборы, взятки всякого рода считаются чуть ли не законной привилегией власть имущих и неизбежным налогом на слабого в пользу сильного. Есть еще одно обстоятельство, которое в настоящее время могло облегчить константинопольским заправителям армянского дела достигнуть в данном случае желаемой цели. Недавняя судебная реформа в Турции, этот неуклюжий сколок с западных европейских юридических порядков, выдвинутый в мусульманский строй без всякой ограниченной с ним связи и даже резко противоречащий многим из понятий, выработанных Кораном, создала в Турции судебный персонал, который находится чуть ли не повсеместно в постоянном антагонизме с представителями власти, зачерпнувши, при изучении европейских юридических порядков, немалую долю понятий о конституционных режимах, парламентаризме, народном представительстве и тому подобных современных теорий, лица эти большею частью в душе преданы замыслам, выдвинутым вперед в недавнее время Мидхадом² и его сообщниками. Понятно, что при таком настроении органов судебной власти искусным обобщением вопроса о реформах и надлежащим озолочением предложений, не трудно добиться известного направления в подобном политическом процессе. Тем более, что вследствие намерения правительства видоизменить существую-

шую независимость судебных чинов от местных властей, в среде судебного ведомства господствует сильное раздражение.

Перехожу далее к факту, имеющему для нас особенный интерес, именно к раскрытой следствием связи здешних руководителей тайного общества с тифлисскими армянами русскоподданными. Из обвинительного акта мы узнаем, что Хачатур³ после неудачной попытки заручиться участием Хримяна⁴ отправляется в Тифлис, где должна быть открыта подписка между сочувствующими армянами для сбора необходимых денежных средств. Естественно, что при желании скрыть связь здешнего заговора с Константинополем судебной власти всего удобнее было направить подозрение турецкого правительства в сторону Кавказа. Трудно судить, насколько верны указания обвинителя о сношениях с существующей якобы в Тифлисе нигилистической партией, о записке одного из обвинителей в список нигилистов о необходимости войти с ними в совещание. Во всяком случае характеристичен самый факт того, что затаенное в Эрзеруме армянское движение через наиболее крупного своего деятеля ищет вступить в общение с гнуснейшим элементом среди современного общества. Одного этого достаточно, чтобы по достоинству оценить отношение к нам так называемой *June Agmenie* и не заблуждаться насчет существующих среди известной части армянской интеллигенции крайне враждебных России стремлений. Легко можно себе представить, каким постоянным очагом антисоциальных стремлений, гнездом нигилистических махинаций и враждебных русскому государству интриг не замедлила бы сделаться смежная с нашим Кавказом территория, если среди нее успела так или иначе образоваться автономная Армения.

Армянская интеллигенция, воспитанная на Западе под впечатлением широко там распространенных всякого рода социальных теорий и слепой неприязни к России культурных слоев западного общества, не преминула бы внести в свое вновь созданное отечество все разрушительные элементы социалистических идей и обратила бы его в неистощимый источник смут и политических интриг. Достаточно познакомиться с армянскою периодическою печатью настоящего времени, чтобы не сомневаться в справедливости таковых опасений. Англичане не даром хлопочут навязать нам подобное соседство, зная хорошо, какую благодатную почву они найдут в автономной Армении для неприязненных России интриг и как трудно будет для нас охранять наше армянское население Кавказа от вредного влияния тамошних происков. Конечно, дипломатическими усилиями англичан в пользу армянской народности руководят не отвлеченные идеи филантропии и прогресса, а часто субъективные политические цели. Британские политики питают надежду, что создавши новый для нас источник политических затруднений [могут] внести при посредстве последнего смуту в наши пределы. Встречавшаяся у некоторых лиц, коротко знакомых с делом, мысль, что англичане стремятся создать на рубеже Кавказа новую для нас Поль-

шу, не лишена известной справедливости по смыслу тех враждебных влияний, которые не замедлили бы истекать оттуда в наши пределы, заноса с собою обильные семена общественного разложения в засоренные социалистическими теориями слои общества или содействуя возбуждению сепаративных стремлений среди народностей, еще не успевших вполне сплотиться с коренным населением Империи. Находясь на самой почве, где предстоит образоваться новому политическому организму, следя изо дня в день за различными проявлениями здешней интеллигентной армянской среды, замечая ту острую неприязнь, которой к нам проникнута партия Юной Армении, нельзя не прийти к сознанию, что выше высказанные соображения имеют, к сожалению, лишь слишком реальную под собою почву. Отсутствие прочных нравственных начал, вытравленных многовековым порабощением; всепоглащающая страсть к наживе, успешно конкурирующая с любовью к деньгам сынов Израиля; религиозная расшатанность, переходящая у молодого поколения, воспитанного в западноевропейских центрах, в индифферентизм, если не современный атеизм, глубокое невежество сельского населения, способное отдать последнее в руки бессовестных агитаторов; алчность и необразованность низшего духовенства, властолюбие корыстолюбивых, вечно интригующих высших духовных лиц; интеллигенция, деморализуемая службою правительству, которое ненавидит или кующая против последнего элементы будущих революционных движений, все это вместе взятое невольно заставляет усомниться в задатках современной армянской народности к здоровой политической самобытности. При некоторых несомненных качествах, как например способности к упорному труду, бережливости, настойчивости, терпению и многих семейных добродетелях в общем можно опасаться, что политический организм автономной Армении будет, если позволено сравнение, ближе всего походить на человека, одаренного сильно развитыми органами пищеварения, снабженного мускулистыми, способными к упорной работе оконечностями, но с уродливо, мало развитой грудною полостью, т. е. вместилищем благороднейших и важнейших органов, обеспечивающих правильную функцию жизненных сил организма. Сомнительно, чтобы оправдались надежды, что армянская народность при политической самостоятельности внесет сколько-нибудь выгодный нам фактор в среде международных отношений в будущем.

С глубочайшим и пр.

Архив внешней политики Российской Империи, ф. Политархив, д. 1625, л. 123–128. Копия.

№2

Донесение титулярного советника Преображенского императорскому послу в Константинополе от 21 января 1888 г. за № 31

Я имел честь получить предписание Вашего Превосходительства от 7 сего января за №4, касательно отказа архиерея Ваграма Манкуни⁵ от эрзерумской армяно-григорианской кафедры. Ввиду этого отказа вопрос о замещении эрзерумской кафедры остается по настоящее время открытым.

До недавнего времени здешней епархией управлял священник Тер-Киркор⁶. Вследствие некоторых возникших между ним и Национальным собранием несогласий он в последнее время должен был отказаться от управления епархией, и его место занял, впредь до назначения сюда архиепископа, вызванный валием по делу известного разбойника Корима из Хасанкалы тамошний архимандрит Тимотеос. Последний – человек степенный, весьма представительной наружности, и пока жители довольны его interim'ом. В глубине души он, несомненно, питает надежду быть окончательно утвержденным на своем временном poste, несмотря на то, что он не архиерей подобно своему предшественнику архимандриту Орманяну. Однако, едва ли его ожидания осуществятся, так как трудно предположить, чтобы здешние армяне выбрали себе архипастырем лицо, хотя и имеющее некоторые качества, но совершенно лишенное опыта, так как архиерей Тимотеос всю свою служебную деятельность провел в Хасанкальском монастыре, представляющем естественно весьма малое поприще для приобретения служебного опыта. Таким образом, ввиду отказа желаемых эрзерумцами Мангуни, а также Хорена Нар-бея⁷ от эрзерумской кафедры, последняя, вероятно, еще довольно продолжительное время останется вакантною. По поводу последнего здешнего архиепископа Орманяна, ныне находящегося профессором богословия в Эчмиадзине, в Эрзеруме разнесся упорный слух, что он в скором времени вернется сюда, будучи вынужден покинуть Эчмиадзин. Говорят, будто наше кавказское начальство и католикос Макар⁸ поставили непременным условием его пребывания в Эчмиадзине принятие им русского подданства, и что Орманян, питающий тоже надежды, рано или поздно сделаться Константинопольским патриархом, не соглашается на это предложение, могущее помешать позднему осуществлению его мечты. (Я назвал виды Орманяна на будущее мечтою, потому что не может быть почти никакого сомнения – все здешние развитые армяне в этом совершенно согласны – что ему никогда не бывать патриархом в Константинополе, так как турецкое правительство на это не даст согласия). Действительно Орманян за время управления Эрзерумскою епархию слишком скомпрометировал себя в политическом отношении, и если ему и удалось за недостатком

улик в свое время избежать судебного преследования, то в настоящее время для турок более не составляет секрета то, что в начале своей деятельности в Эрзеруме он был одним из главных вожаков армяно-освободительного движения, равно как ни для кого не тайна, что лет пять тому назад он разъезжал с тогдашним великобританским здесь консулом полковником Эверетом по деревням Эрзерумского вилайета и созывал в деревнях тайные собрания именно с этой целью.

С отличным почтением и пр.

Архив внешней политики Российской Империи, ф. Политархив, д. 1629, л. 9–10. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нерсес Варжапетян (1837–1884) – религиозный общественный деятель. В 1862 г. был посвящен в сан епископа. В 1874 г. избран армянским патриархом Константинополя. В 1877–1878 гг., после русско-персидской войны, прилагал усилия, чтобы представить перед великими державами проблемы западных армян. Н. Варжапетян направил на Берлинский конгресс армянскую делегацию. В 1884 г. армянский народ избрал его Католикосом всех армян, но он отказался из-за состояния здоровья.

2. Мидхад паша – лидер «Новых осман», усилиями которого и при содействии английских дипломатов, с целью помешать вмешательству европейских государств во внутренние дела Турции, с согласия Абдула Гамида, в декабре 1876 г. Турция была провозглашена конституционной монархией, а Мидхад был назначен великим везирем. После укрепления своих позиций Абдул Гамид в 1878 г. выслал Мидхада, в ссылке последний был убит.

3. Хачатур Керекцян (1846–1891) – один из руководителей организации «Паштпан Айрениц», который пытался при помощи М. Хримяна установить отношения с общественными деятелями Вана, а также с восточноармянскими деятелями, в частности, с редактором «Мшака» Гр. Арцруни.

4. Мкртич Хримян (1820–1907) – армянский патриарх Константинополя в 1869–1873 гг. Возглавлял армянскую делегацию на Берлинском конгрессе. В 1880-х гг. действовал в Ване, а в 1885 г. за свою национально-патриотическую деятельность был вызван в Константинополь (фактически, в почетную ссылку), где продолжил свою деятельность во благо армянского народа, был избран председателем Религиозного собрания, а в 1890 г. под видом паломничества был выслан в повторную ссылку в Иерусалим. В мае 1892 г. он был избран Католикосом всех армян, но только спустя 17 месяцев, 26 сентября 1893 г., был посвящен в католикосы.

5. Ваграм Манкуни – священнослужитель, осуществлявший крайне реакционную, можно сказать, антинациональную деятельность как в Восточной, так и в Западной Армении.

6. Григор Арцнян – известный священнослужитель, долгое время являлся викарием духовного предводителя Эрзерума М. Орманяна.

7. Хорен Нар-бей (Галфаян) (1832–1892) – религиозный, общественный, культурный деятель. Принимал участие в издании журналов «Базмавеп» мхитаристов и «Масяц ахавни» Г. Айвазовского. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был направлен Н. Варжапетяном в Петербург для участия в дипломатических переговорах с русским двором, затем присоединился к берлинской делегации М. Хримяна.

8. Макар Техутци (1813–1891) – родился в селе Техут Битлисского вилайета. Вместе с семьей переселился в Восточную Армению, учился в Эчмиадзине, был духовным предводителем Грузии, затем Нового Нахиджевана и Бессарабии, в 1882 г. был викарием католикоса. В 1885 г. был избран Католикосом всех армян.